2. ОЧЕРКЪ ОСАДЫ ВАРНЫ. (*) Наша баттарея, миновавъ *Коварну*, пробиралась съ орудіями чрезъ страшныя, отрывистыя ущелія *Тетикіой*. Черезъ три дня мы уже заняли возвышенности,

(*) Изъ воспоминаній Артиллерійскаго офицера.

которыя командовали Варною, и присоединившись къ корпусу Генералъ Адъютанта Воронцова, стали вырывать, подъ градомъ пуль, изъ рукъ упорныхъ Турокъ каждую сажень земли. Мы скоро ознакомились съ дымомъ пороха, скоро свыклись съ Турецкими вылазками, и прислушались къ ихъ дикому крику: аллахъ! Нашъ бивуакъ былъ поэтически раскидавъ на горѣ, съ которой можно было видѣть, какъ па тарелкѣ, всю Варну, съ ея бастіонами и минаретами. Дрова изъ виноградныхъ лозъ пылали но всей отлогости горы, и старые солдаты кучками сидѣли вкругъ огней, вспоминая свои прежнія побѣды на берегахъ Рейна. Кое-гдѣ виднѣлись бѣлыя, маленькія палатки, бивуачныя жилища полковыхъ и баттарейныхъ командировъ. Лошади чернѣлись на продолговатой коновязи, и ржаніе ихъ мѣшалось съ криками дежурпыхъ вахмистровъ. Офицеры разсуждали во кругъ закоптѣлыхъ походныхъ чайниковъ. Одинъ увлекался нашими писателями о войнѣ 1812 года; другой припоминалъ свое воспитаніе въ Кадетскомъ Корпусѣ; но всѣ хранили въ душѣ непоколебимую преданность къ Престолу и пламенную готовность умереть за Царя и за милую отчизну!

Наконецъ открылись осадныя работы; первая параллель вытянулась, заблестѣла Русскими штыками, и двѣ баттареи нашей роты, наскоро прикрытыя легкимъ брустверомъ, дерзко отвѣ-

чали на выстрѣлы цѣлаго полигона, которые засыпали нашу легкую насыпь, и съ каждымъ часомъ мы раскрывались болѣе и болѣе. Піонеры не могли поправлять полуразвалившійся брустверъ днемъ подъ сильными непріятельскими выстрѣлами, и мы только молили Бога, чтобы продержаться до сумерковъ. Однакожъ, не смотря на отчаяніе турокъ, наши баттареи не умолкали и громкій свистъ нашихъ ядеръ и гранатныхъ черепковъ и напѣвы нашихъ дюжихъ, со всѣмъ немузыкальныхъ бомбъ, заглушали по временамъ пронзительную фистулу атаманскихъ пуль съ хвостикомъ (*).

Съ какимъ удовольствіемъ я вспоминаю о прежнихъ моихъ товарищахъ, которые такъ хладнокровно исполняли во время этой отчаянной перестрѣлки, свою трудную обязанность. Не одинъ изъ нихъ не мѣнялся даже въ лицѣ и каждый считалъ стыдомъ, безчестіемъ казаться привязаннымъ къ жизни въ такое время, когда онъ долженъ жертвовать ею для блага и славы своего отечества, и находилъ въ самомъ себѣ столько моральной силы, что могъ, по крайней мѣрѣ, нарочно смѣяться надъ жадною смертію, которая такъ неразборчиво хватала встрѣчнаго и поперечнаго. И по моему мнѣнію, тотъ, кто смѣялся въ короновaніи гласиса подъ Варной,

---

(*) Турецкіе пули льются съ цилиндрическими, тоненькими палочками, въ родѣ хвостиковъ.

былъ достоинъ уваженія каждаго благороднаго человѣка: онъ понималъ священную обязанность офицера въ военное время, и невольно поселялъ въ подчиненныхъ ему какую-то слѣпую довѣренность.

Наши выстрѣлы или, быть можетъ, штыки храбрыхъ егерей заставили упорныхъ Турокъ просить перемирія на двадцать четыре часа. Бѣлые флаги развились на бастіонахъ, и парламентеры съ обѣихъ сторонъ съѣхались, чтобы трактовать объ условіяхъ. Мы вышли за ровъ параллели, а Турки кучами выползли изъ своихъ ложаментовъ, и подошли къ намъ. Долго они осматривали насъ съ какимъ-то особеннымъ вниманіемъ, и болѣе всего удивлялись, что наши Топчи-Баши (артиллерійскіе офицеры) такъ молоды. Мы подѣлились съ ними сухарями, а они снабдили насъ прекраснымъ табакомъ. Скоро явился переводчикъ, и любопытные распросы посыпались съ обѣихъ сторонъ. Одинъ молодой Турокъ, съ блестящимъ оружіемъ и въ богатой чалмѣ, просилъ, чтобы ему указали того Топчи-Башу, который командовалъ орудіями на лѣвой баттареѣ. Его подвели къ Капитану Д. **. Онъ ласково осмотрѣлъ Капитана съ ногъ до головы, и преубѣдительно сталъ просить его, чтобы онъ, когда кончится перемиріе, не такъ часто стрѣлялъ по противолежащему его баттареѣ бастіону, особливо ночью потому, что непріятные

Русскіе выстрѣлы не даютъ ему спокойно спать. Мы всѣ невольно засмѣялись, и увѣрили шутя этого чудака — Турка, что съ полуночи до самаго разсвѣта не будемъ нарушать его спокойствія.

Перемиріе кончилось и вновь закипѣла осада: гласисъ былъ уже коронованъ, и фугасы осыпали крѣпостной контръ-эскарпъ и два бастіонные фаса. Я стоялъ съ четырьмя орудіями по лѣвую сторону брешъ-баттареи, вмѣстѣ съ Поручикомъ ** Ч. Однажды къ вечеру не достало у насъ зарядовъ и рабочихъ для переноски. Что дѣлать? мы рѣшили бросить жребій, и одному изъ насъ отправиться парламентеромъ къ почтенному нашему Генералу Дидрихсу. Жребій палъ на меня, и я потащился въ главную квартиру. Палатка Князя Лобанова - Ростовскаго окружена была толпою офицеровъ, которые ожидали приказаній. Я не могъ войти въ палатку Князя, и ожидалъ въ толпѣ, пока Генералъ нашъ выйдетъ. Наконецъ онъ вышелъ, и замѣтивъ меня, ласково сказалъ: »завтра съ разсвѣтомъ будьте готовы штурмовать приморскій бастіонъ;« — потомъ, обратясь къ Князю, прибавилъ: »я говорилъ Вашему Сіятельству, что у меня каждый артиллерійскій офицеръ охотникъ, и я не ошибся. Вотъ молодой офицеръ, котораго я самъ назначаю охотникомъ.«

Съ этой новостью я побрелъ въ раздумьи къ

моей баттарейкѣ. Егерскій офицеръ М** шелъ вмѣстѣ со мною; и хотя онъ никогда не слылъ весельчакомъ, однакожъ въ это время казался онъ мнѣ необыкновенно грустнымъ и задумчивымъ. Полагая назначенный штурмъ законною причиною его меланхоліи, я позволилъ себѣ подшутить надъ его нерасположеніемъ духа. О! я никогда не забуду, когда онъ, сквозь слезы, отвѣчалъ на мои шутки: «Не удивляйся, другъ, тоскѣ моей, не смѣйся надо мною. Если бъ ты могъ читать мои чувства, то вѣрно пожалѣлъ бы обо мнѣ. Я не трусъ, и не боюсь умереть; но у меня мать, у меня двѣ сестры, которыхъ я содержу частію моего жалованья. Меня убьютъ, и онѣ будутъ долго ждать моихъ писемъ; будутъ ждать денегъ, чтобы заплатить за коморку, въ которой живутъ; будуть ждать меня, будутъ ждать долго.... и прочтутъ или услышатъ, что я, единственная подпора ихъ жизни, единственное утѣшеніе, погребенъ подъ эскарпомъ Варны.»

Я старался разсѣять его предчувствіе, но онъ не слушалъ меня и задумчиво пошелъ въ свой лагерь.

Сумракъ рѣдѣлъ надъ моремъ; войска сходились къ означенному пункту. Приготовленія къ отважному дѣлу и ожиданія опасностей всегда наводятъ какой-то ужасъ даже на храбрѣйшихъ. По первому сигналу, матросы и егеря,

прошептавъ молитву и перекрестясь, спустились въ ровъ. Заря уже занималась, но все было тихо — и Турки безпечно дремали за бастіонными палисадами. По второму сигналу, храбрые охотники переползли кюветъ и стали подыматься на скарпъ крѣпостнаго рва. Какъ въ эту минуту эбилось сердце каждаго, кто только слышалъ второй сигналъ! Какое страшное ожиданіе! Какая неизвѣстность! Еще минута, и не станетъ у бѣдныхъ сиротъ — отца, у сестры — брата, у матери-сына! О! въ этой минутѣ много жизни!....

Третій сигналъ — ракета! отчаянное ура! раздалось въ воздухѣ; земля задрожала подъ залпами артиллеріи и дымъ пороха заклубился надъ траншеями и надъ морскими волнами. Я кинулся съ однимъ единорогомъ въ ровъ, и старался перетащить мое орудіе черезъ кюветъ. Бомбы, гранаты, ядра и пули крестили воздухъ во всѣхъ направленіяхъ, и окровавленные офицеры и солдаты, съ отчяннымъ выраженіемъ лица падали съ эскарпа въ ровъ. Странныя сцены для философа-наблюдателя!...

Та часть города, которая прилегала къ приморскому бастіону, населена Болгарами, Греками, Молдаванами и вообще жителями Греческаго исповѣданія. Тяжкое рабство и бѣдственное положеніе терпѣть двухмѣсячную осаду, довели ихъ до крайняго отчаянія. Они ждали только

случая, чтобы избавиться отъ своихъ притѣснителей — Турокъ. Часъ избавленія ихъ насталъ. Русскіе заняли бастіонъ, и цѣлыя семейства Христіанъ подъ выстрѣлами, презирая опасность, перебѣгали къ намъ. Я видѣлъ, какъ одна молодая Гречанка, съ распущенными волосами, въ рубашкѣ, перебѣгала ровъ: правой рукой она крестилась, а лѣвой держала за руки ребенка двухъ или трехъ лѣтъ, который висѣлъ у ней за спиною. Пуля раздробила ногу несчастнаго младенца, и онъ мучительно кричалъ надъ ухомъ матери. Какъ выразить чувства этой бѣдной женщины!...

Егеря и матросы славно удерживали занятой бастіонъ и я сталъ подыматься на эскарпъ, чтобы раздѣлить опасность и побѣду съ моими товарищами.... Вдругъ раздался голосъ: «посторонитесь, Ваше Благородіе!» — Кого это несутъ на носилкахъ? спросилъ я. — Егерскаго полка убитаго Поручика М**. Я поблѣднѣлъ, холодъ пробѣжалъ по моимъ членамъ.... я живо вспомнилъ послѣдній разговоръ нашъ, когда мы шли вмѣстѣ наканунѣ штурма, изъ главной квартиры. Предчувствія не обманули несчастнаго.... Вѣчная память твоему праху, храбрый, благородный товарищъ! Вспоминая теперь твою жизнь, твой кроткій, добрый нравъ, твою благородную привязанность къ роднымъ, глаза мои невольно наполняются слезами....

Наконецъ Турки убѣдились, что нѣтъ препоны для мужества Русскихъ, и Варна, до тѣхъ поръ непобѣдимая, славная Варна сдалась Русскимъ полкамъ. Какъ пріятно, какъ неизъяснимо легко, послѣ двухъ-мѣсячной осады, когда каждая минута готовила смерть или тяжкую рану, какъ легко стоять или ходить по крѣпостному валу, будучи увѣреннымъ въ безопасности своей жизни. Это чувство, незнакомое для многихъ, я испыталъ. Государь Императоръ, окруженный многочисленною свитою, изволилъ осматривать разрушенный полигонъ и всѣ наши траншеи. Турки полагали, что покойный Графъ Дибичь-Забалканскій, который былъ тогда въ полномъ Генеральско мъмундирѣ, нашъ Государь, и не хотѣли вѣрить, когда мы имъ указывали на Императора. Екъ, екъ (*) шептали между собою эти несчастные Лафатеры.

(*) Нѣтъ, нѣтъ.